

— А! я понимаю, въ чемъ дѣло,—догадался Левъ Николаевичъ, — но вотъ бѣда: нѣтъ у меня мельче-то денегъ... А, впрочемъ, погодите-ка: я сейчасъ схожу, размѣняю въ лавочкѣ! Да, смотрите, не замерзните тутъ...

И вотъ Левъ Николаевичъ *пошелъ* для меня *мнѣять* деньги *въ лавочкѣ*.

Теперь, право, какъ-то и вспоминать странно объ этой характерной детали: скромность и простота, на которыя способна только истинно-философская мудрость!..

Скоро онъ вернулся и вручилъ мнѣ двѣ пяти рублевья бумажки. И, напомнивъ мнѣ, чтобы я *непремѣнно* пришелъ къ нему на квартиру, какъ бы невзначай замѣтилъ:

— А ваше письмо ко мнѣ искренне... Такъ смотрите же, не падайте духомъ!..

И онъ сталъ пробираться между извозчичьими санями по направленію къ воротамъ.

II.

Черезъ два дня, одѣвшись довольно сносно, я былъ въ Хамовникахъ, на квартирѣ Толстого.

— Левъ Николаевичъ скоро придутъ,—объяснилъ мнѣ отворившій дверь лакей:—они тутъ, во дворѣ...

Былъ вечеръ и тотъ именно часъ, когда Левъ Николаевичъ имѣлъ обыкновеніе колоть дрова.

— Въ такомъ случаѣ, я зайду немного погодя,—сказалъ я, оставляя переднюю.

Однако, въ этотъ вечеръ я не пошелъ вторично къ Толстому: дѣло въ томъ, что меня смутило большое количество шубъ и пальто, не исключая офицерскихъ шинелей, висѣвшихъ на вѣшалкѣ, вслѣдствіе чего у меня явилось предположеніе, что въ Толстовской семьѣ гости и, значить, я попалъ не во-время.

Только на слѣдующій день я увидалъ Льва Николаевича. Онъ вышелъ ко мнѣ изъ-за обѣда. Въ черной блузѣ, подпоясанной, какъ помнится, черной же ленточкой. Разговоръ на этотъ разъ былъ коротокъ.